

РЕБЕККА
Уэст

И БЛИЗИТСЯ НОЧЬ

Перевод
Любови Карцивадзе

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Романы МИФ. Сага века

РЕБЕККА
Уэст

И БЛИЗИТСЯ НОЧЬ

Перевод с английского
Любови Карцивадзе

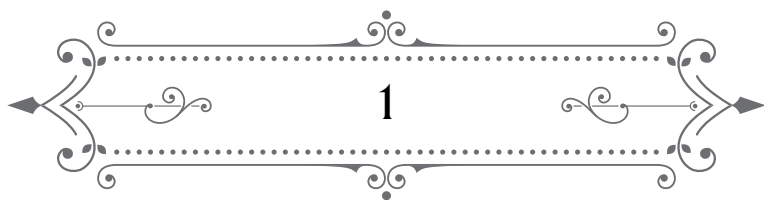
Москва
МИФ
2024

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

День был так чудесен, что я жалела: ну почему нельзя жить так же медленно, как играть музыку? Я сидела с двумя своими сестрами, Корделией и моей близняшкой Мэри, и нашей кузиной Розамундой в гостиной нашего дома в Лавгроуве, южном пригороде Лондона, теплым субботним днем в конце мая, почти пятьдесят лет назад. Было тепло, как в разгар лета, по полу тянулись медовые полосы солнечного света, а воздух над ними искрился пылинками; пчелы с жужжанием кружили над багряной веткой калины в вазе на каминной полке. Мы, четыре девушки, купались в праздности, которой не знали ни раньше, ни впоследствии, так как в конце триместра нам предстояло окончить школу и мы уже сдали все экзамены, которые должны были предоставить в наше распоряжение взрослый мир. Мы чувствовали себя счастливыми, словно беглые заключенные, поскольку все ненавидели быть детьми. В ту пору уже существовал — и с каждым годом крепнет — предрассудок, будто дети не принадлежат к тому же виду, что и взрослые, и обладают иными восприятием и мышлением, которые позволяют им вести отдельную полноценную жизнь. Тогда мне казалось, да и сейчас кажется, что это большая чепуха. Ребенок — тот же

взрослый, только временно пребывающий в условиях, исключающих возможность счастья. Маленькие дети страдают от таких же физических и умственных ограничений, какие могут быть вызваны ужасным несчастным случаем или болезнью; но если калек и паралитиков жалеют, потому что они не могут ходить и их необходимо носить на руках, не могут объяснить свои потребности и ясно мыслить, то младенцев не жалеет никто, хотя они всегда громко плачут от бессилия и уязвленной гордости. Правда, каждый год улучшает их положение и дает им больше власти над собой, но это лишь приводит в ловушку. Им приходится жить в мире взрослых в невыгодном положении, как представителям подчиненной расы, которые вынуждены признать, что у их подчиненности есть причина. Ибо взрослые действительно знают больше, чем дети, это невозможно отрицать; но не благодаря какому-то реальному превосходству, выросшие лучше ориентируются в положении вещей только потому, что живут дольше. Это как если бы группу людей бросили в пустыне, одних с компасами, других — без; и те, у кого был компас, обращались бы с теми, у кого его нет, как с неполноценными, ругая и высмеивая их, не вспоминая о несправедливости условий, — и в то же время, часто доброжелательно, вели заплутавших бедняг в безопасное место. Я до сих пор считаю детство ужасным состоянием неуравновешенности и полагаю, что мы, четыре девушки, не без оснований почувствовали огромное облегчение, достигнув края этой пустыни.

Мы сидели в залитой солнцем комнате так непринужденно, словно были не девушками, а цветами. Наши учителя пока еще задавали нам уроки, но наши учебники лежали на столе неоткрытыми. Возможно, мы заглянем

в них, когда будем одеваться в понедельник утром, просто чтобы избежать неприятностей. Я откинулась в кресле, положив ноги на кресло напротив, поскольку не уставала созерцать свою новую, длинную и узкую юбку. В тот день Мэри впервые забрала волосы наверх; последние несколько месяцев она, как и я, носила прическу, которую в те времена называли «катоган» — сложенную вдвое косу, завязывавшуюся на затылке бантом из широкой муаровой ленты, — но теперь мы отважились на настоящие взрослые пучки, заколоть которые было гораздо сложнее. Так что она сидела с полным подолом шпилек, держа в одной руке расческу, а в другой — зеркальце, и то и дело встряхивала головой и склоняла длинную белую шею к своему отражению, чтобы посмотреть, не растрепались ли ее черные волосы. Так качают головами лебеди, прежде чем заскользить над своими изображениями на водной глади. Розамунда шила оборчатый подъюбник для магазина на Бонд-стрит, покупавшего изящное белье у нее и ее матери; кухня, которая все делала медленно, — вплоть до того, что говорила заикаясь, — сейчас даже по своим меркам запаздывала. Иногда она откладывала иголку, тянулась к чайному столику, с которого мы поленились убрать, и угощалась куском сахара. С хрустом разжевывая его, Розамунда откидывалась в кресле, выбирала один из тяжелых золотых локонов, спускавшихся ей на плечи, и накручивала его на указательный палец, то ли чтобы затянуть пышную спираль, то ли просто им полюбоваться. Корделия штопала свои чулки, склонив золотисторыжую голову с тем же добродетельным и самоотверженным видом, который придавала всему, что делала: посторонний человек подумал бы, будто чулки принадлежат кому-то другому. Впрочем, на самом деле сестра

была не так уж плоха. Если бы ее спросили, она бы призналась, что чулки ее. Корделия была притворщицей, но эта ее черта была скорее физической, чем душевной. Что бы она ни делала, ее тело утверждало, что это имеет большое моральное значение.

Сегодня мы, четыре девушки, показались бы пресными до отвращения. Розамунда и Мэри были красивы, бесспорно красивы, словно героини Теннисона, глаза их выглядели необыкновенно большими и блестящими, а все цвета — ослепительными. Волосы Розамунды отливали роскошным золотом, кожа Мэри сияла совершенной белизной; а Корделия с ее короткими золотисто-рыжими кудряшками и кожей, румяной, точно в отсветах розовой лампы, казалась невозможно хорошенькой. Я и сама была не так уж плоха. До остальных мне было далеко, но в последнее время поведение незнакомых мужчин постоянно убеждало меня, что я довольно миловидна. Если я приходила в банк обналичить мамин чек, клерки словно желали, чтобы процесс выдачи денег требовал бóльших усилий, чем могло показаться, и больше свидетельствовал об их расположении ко мне. Нам это и нравилось, и не нравилось. Хотелось вырасти кем-то другим, нежели женщинами. Хотя наши оформившиеся фигуры делали нас похожими на лучшие статуи, нам не было от них никакого толку, поскольку, где бы мы ни жили, не могли разгуливать нагишом или в древнегреческом одеянии, так что это означало лишь, что наши блузки и корсажи стало сложнее подогнать. Что же до других последствий нашего пола, чаще всего к ним подходило слово «нелепые». Мы все были в ярости, кроме Розамунды, которая могла принять любой физический факт. Благодаря нашему крепкому здоровью они причиняли нам не более чем неудобство,

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

